

Кадры для мобилизационного управления

Во времена кризиса общество раскалывается или сосредотачивается. Раскол — смута и развал всей системы управления, и всякое общество стремится бежать этого. Сосредоточение требует мобилизации. Прежде всего мобилизации управления. Для мобилизационного управления нужны особые кадры. Потому что кадры, управляющие в стабильные времена, не годятся для управления в условиях кризиса. Такие кадры надо готовить заранее, если не хотим раскола. Хотим сосредоточиться.

Как готовить кадры для мобилизационного управления? Почему нужно заменять ими существующие кадры? Это вовсе не значит, что предлагается заменять одних людей на других. Одни и те же люди могут пройти разную профессиональную подготовку и стать кадрами разного качества — в одном случае пригодными для стабильных условий деятельности, в другом — для осуществления мобилизационных функций. Соответственно, подготовка новых кадров предполагает не просто обучение новых людей, но подбор и переподготовку многих уже действующих управленцев. Все дело в целях и характере профессиональной (пере)подготовки. А также в особенностях подбора управленцев для работы в особых условиях, которые и предполагают мобилизационное управление. В условиях кризиса и войны.

¹ ПЛЮСНИН Юрий Михайлович, д.ф.н., к.б.н, профессор НИУ-ВШЭ, заместитель заведующего Проектно-учебной лаборатории муниципального управления. Руководство и исполнение исследовательских проектов (44), в том числе 10 международных и 10 всероссийских, автор 22 научных монографий и более 200 статей по государственному и муниципальному управлению, социологии, социальной философии, социальной биологии и социальной психологии. Опыт в области организации и проведении научных, аналитических и экспертных исследований, опыт руководства и проведения нескольких десятков экспедиций. См.: plusnin.org, www.hse.ru/org/persons/139849.

Чтобы обосновать предлагаемую модель технологии подготовки кадров мобуправления, я предварительно обсуждаю следующие тезисы:

(1) что есть нынешняя власть — сверху донизу — в глазах простых людей, народа?

(2) что ожидает народ от власти? каков он в качестве «субъекта власти»?

(3) каковы экспертные оценки качества современных кадров управления?

На основе этих ожиданий и оценок может быть предложена технология подготовки кадров управления нового качества.

1. Власть глазами простых людей: что изменилось за четверть века?

Как выглядит власть, государственное и местное управление в глазах простых людей? Кто они, эти обычные, простые люди? Это жители сел и малых городов, провинциальные жители. Но это также и значительное большинство жителей средних и крупных городов. Важнейший признак таких людей — их *неразличимость* [1, с. 29]. Это те, кого мы зовем «народом». Постоянные эмпирические наблюдения жизни «народа» в течение последней четверти века, с начала 90-х годов, позволяют мне делать некоторые обобщения относительно того, какие представления, установки и мысли имеют простые люди о власти и системе управления, сложившейся за эти годы в стране, и каковы ожидания людей в отношении форм и стратегии управления (напр.: [2, 3, 4, 5]).

В постсоветский период власть приобрела в глазах простых людей три ипостаси. Прежде всего, это «*московская*», федеральная власть, к которой примыкают высшие региональные руководители, губернаторы, часть региональной элиты. Это власть далекая, но и ответственная за все беды и достижения, однако не решающая житейских проблем простых людей. Отношение к «*московской*» власти радикально менялось на протяжении всех 25 лет нашей «*новой жизни*». Если сравнивать с советскими временами,

сильное, в негативную сторону, изменение отношения к власти произошло не в 1992–1994, а в период 1995–1996 и тянулось до начала 2000-х годов. Можно сказать, начиная с того времени, во все 90-е годы отношение к центральной власти у простых людей сложилось презрительное. Утратился ореол царственности этой власти, и в представлениях народа ее действия напоминали действия уездных князей позднего домонгольского времени в полюдь. Я бы предпочел даже говорить о новом политическом периоде в России 90-х как о «шестом витке все одной и той же «политики Аскольда и Дира» (в продолжении и в соответствии с бердяевской периодизацией: см.: [6]). Поэтому недаром с 1998 года повсеместно в народе звучало отношение к этой власти как к «главному рэкету» в стране — особенно в среде активных людей, мелких провинциальных предпринимателей. Тем не менее, все-таки люди желали бы крепкой, сильной центральной власти. В 1990-е годы большинство, не менее 2/3 населения, считали, что крепкая, сильная, законная власть была бы очень полезна и необходима для российского общества. Наконец, они дождались такой власти и все последнее десятилетие живут с радикально иным отношением к власти, нежели в десятилетие предшествующее. Именно поэтому столь велика популярность в народе нашего Президента, персонифицирующего высшую государственную власть. Деятельность Президента полностью отвечает чаяниям простых людей, какие бы критические слова мы ни слышали в его адрес со стороны «демократической интеллигенции» и тех же простых людей.

Вторая ипостась власти в представлении людей — это «начальники». Это выборные местные, муниципальные руководители, до уровня главы района, которые не ассоциируются в сознании людей с центральной властью, они как бы непосредственно не представляют государственную власть, хотя и по-прежнему считаются в народе государственными чиновниками, несмотря на то, что этим же народом они избираются на местах. Их реальная власть ассоциируется с располагаемыми и контролируемыми ими ресурсами. Причем финансовые ресурсы «начальников» (поскольку это лишь перераспределяемые ими бюджетные средства) имеют меньшее значение, чем капитал в форме промышленных пред-

приятый или торговых фирм, которыми они (их клан) владеют. Еще большее значение в глазах людей имеет степень контроля местных природных ресурсов со стороны «начальников». Если начальник, ко всему прочему, контролирует и основные природные ресурсы района, его реальная власть в глазах местного общества максимальная. Однако в целом влияние «начальников» и их возможности решения непосредственных задач населения в 1990-е годы все же были невелики, хотя тогда муниципальные окружные и районные руководители располагали существенно большими бюджетными финансовыми ресурсами, чем ныне. Напротив, в последние 15 лет эти люди в составе закрепившихся во власти кланов превратились в настоящих местных «помещиков», наделенных государственной властью почти теми же полномочиями, что и имперские помещики-крепостники (см. об этом специально: [7]).

И третья ипостась власти — это «хозяева», далеко не всегда или не вполне легитимные правители (точнее сказать *управители*), которые реально решают нужды людей в провинции и, прежде всего, обеспечивают их повседневную жизнь, обеспечивают население пищей и теплом. В этом смысле «хозяева» — это люди, на которых сделало ставку население. Их очень немного, но их реальный вклад в решение проблем людей очень большой. И поэтому реальной власти у них больше, чем у «начальников». А поскольку «власть московская» на местах присутствует лишь в виртуальной форме, то в отношении российской провинции говорить приходится только о «хозяевах» как о почти единственной власти. Такие люди имели очень большое значение, особенно в провинции, в 1990-е годы [8]; в период 2000-х годов и позже в связи с восстановлением и укреплением «вертикали власти» и значительным ростом благосостояния населения их ключевое значение для местных сообществ уменьшилось, а местами даже сошло на нет. Впрочем, за эти годы многие «хозяева» превратились в «начальников» и ныне немалое число районов живет под властью именно таких руководителей, вполне или даже весьма эффективных управленцев, и знающих законы, и живущих «по понятиям» [4].

В результате политического кризиса 1990-х в России получилось своеобразное распределение власти — не по вертикали, а,

скорее, *под углом*, когда где-то есть далеко находящаяся почти виртуальная центральная власть, под ней номинальная власть местных муниципальных начальников, а где-то в стороне от «вертикали» — реальная власть «хозяев» [8]. В 2000-е годы происходило некоторое «спрямление» вертикали власти и «угловатость» ее мало-помалу исчезает. Но внутренний характер «угловатости» сохраняется на самых низах, там, где государство определило место «народной», местной власти.

Что должна в ситуации мобилизации общества делать центральная власть? С моей точки зрения, в силу того, что государственная власть ушла от народа, а народ в большинстве своем живет *вдали от государства* (см.: [9]), наилучшим был бы метод *попустительства*, невмешательства в процесс спонтанного и объективного развития местного самоуправления. Давно известно, что «*когда государство беспечно, народ благоденствует*» (Дао Дэ Цзин, гл. 50). Но поскольку так или иначе субъектом консолидации самоуправления будут «хозяева-помещики», то государству придется столкнуться с этими людьми и в конечном счете каким-то образом заместить их в будущем, а вероятнее всего — приставить к ним комиссаров. Поэтому важным следующим шагом государства было бы интенсивное использование идеологических, информационных методов воздействия, стимулирующих развитие местного самоуправления, но с наращиванием механизмов государственного мобилизационного управления этим процессом.

2. «Нам бы хозяина — мы бы и тужились».

Что ждет народ от власти?

Представляется необходимым дать оценку вероятности вееров тех и других реакций населения на изменившуюся для него роль государства. Что ждут простые люди от власти? В ответах на эти вопросы я вновь основываюсь на длинных рядах эмпирических исследований отношения провинциального населения к власти.

Каким властным ресурсом реально располагает федеральная власть? Насколько народ *подвластен*? — готов быть объектом

властного действия, восприимчив к инициативам власти? Это, следовательно, позволяет определить, насколько велика потенциальная свобода действий власти по реформированию структуры управления, отдельных социальных институтов.

По мере развития кризисных процессов и последующего их преодоления отношение людей к экономическим, политическим и социальным реформам становилось все более определенным — все более негативным в 90-е и все более позитивным в новое десятилетие. 2000-й год явился переломным. С этого времени началось медленное — и пока неуклонное — нарастание позитивного отношения провинциального (что важно!) населения к проводимым федеральным центром реформам. Соотношение между оптимистично и пессимистично настроенными людьми выровнялось к середине нулевых и доля оптимистов теперь значительно превысила долю пессимистов [4]. Это позволяет допускать, что население уже не столь болезненно, как в конце 90-х и не с такой потенциальной угрозой социального взрыва готово будет принимать непопулярные реформы.

Об этом же свидетельствует и такой показатель как престиж федеральной власти в глазах простых людей. До 1996 г., времени вторых президентских выборов Ельцина, престиж власти хотя и постоянно падал, но не столь стремительно, как это случилось, начиная со второй половины 96-го года и, особенно, в 1997 и 98-м годах. К тому времени отношение к далекой «московской» власти носило характер полного безразличия и даже презрения [4, 5, 10]. Такого, я думаю, в нашей стране не бывало. Надеюсь, не будет. Новые персоны у власти достаточно быстро и значительно подняли ее престиж в глазах людей и уже к первой половине нулевых престиж центральной власти приблизился к уровню советских времен, а теперь значительно превосходит и тот рубеж (напр.: [11]). Следовательно, основываясь и на этом показателе социального настроения, мы должны признать реальную осуществимость сейчас даже весьма непопулярных реформ федеральной власти.

Между тем, многие люди считают, что мерами, способными улучшить положение дел в стране, могут действия и самого народа, в частности, стихийные выступления людей или организован-

ные акции протеста (см.: [12]). Значение стихийных массовых выступлений в сознании простых людей с годами, начиная с конца 90-х, приобретает даже большее значение, чем организованная политическая активность. Растет число людей, которые считают народную политическую активность эффективной и полезной для целей социального развития. Меры властей, направленные на ограничение политической, в том числе протестной, активности населения рассматриваются людьми как непопулярные. Надо думать, что люди со все большим уважением относятся к себе как к субъекту политического действия. Но субъекту, возможно, не в полной мере управляемому. Потому что стихии бунта они отводят более важную роль, чем организованности митинга.

Политическое сознание людей уже и в провинции допускает самостоятельную активность народа в качестве регулирующего механизма общественного развития. Следовательно, с этим власти уже нельзя не считаться.

Несмотря на значительно — в разы — возросший уровень жизни населения, неудовлетворенность недостаточными свободами (независимо от того, что люди имеют под этим в виду) предполагает желание изменений, которые для весьма многих в нашей стране все еще связаны с «революционными» стихийными преобразованиями. Это опасные тенденции, а между тем представления о стихии бунта, способного к созданию новой и лучшей жизни, достаточно широко распространены не только в среде «бюджетников» и «рентного» населения крупных городов, но и в провинциальном обществе [12]. В то же время оценки вероятности организованных акций протеста, забастовок, митингов и демонстраций, притом, что они почти всегда связаны с экономическими требованиями, не находятся в однозначных отношениях с материальным положением людей и даже не отражают их реальные социально-политические установки. Между тем, наблюдения фиксируют, что спонтанная деструктивная активность населения все более снижается. На этом фоне одновременно возрастает конструктивная политическая активность. Люди все более осознают свою политическую силу. Становятся, как я уже сказал, субъектом политики. Пока только местной. И пока лишь в собственном сознании.

Но потенциал их субъектности высок. С этим необходимо будет все больше считаться.

Между тем, важно увидеть и другие признаки формирования позитивных реакций. Эти признаки были отчетливы уже в позитивной динамике отношений к власти и реформам в начале 2000-х, сейчас они еще более отчетливы. В чем еще они могут заключаться и на чем основываться? Думаю, что в первую голову — на доверии к власти. Сейчас в провинциальном обществе оно есть и укрепляется. Народ в подавляющем своем большинстве стоит на позициях сильной государственной, иерархически выстроенной власти, с представлением о федеральном центре, которому должна быть жестко соподчинена и региональная и местная власть. С момента усугубления системных кризисных явлений в обществе у населения сформировалась устойчивая охранительная реакция, которая в нынешние времена нарастания внешней угрозы только укрепилась: люди все больше ратуют за сильную президентскую власть, за концентрацию верховной власти. Это прослеживается и в отношениях к партиям. Это видно и по такому индикатору, как надежда на лучшую жизнь, связываемая людьми с усилением власти президента. Можно сказать, что вся российская провинция смотрит на роль Президента как на определяющий фактор стабилизации общества [11, 13]. В этом полнее всего реализуется один из главных принципов нашей глубинной общественной жизни: *«Нам бы хозяина — мы бы и тужились»*.

Эта очень сильная интенция провинциального населения и она подтверждается распределением людей по их социально-политическим установкам. Все провинциальное население определено подразделяется на три явно неравных группы, три кластера. В самом большом по объему кластере (до 4/5) сконцентрированы люди, ориентированные на сильную президентскую власть, и на высокую ответственность исполнительной власти. В то же время, они не поддерживают репрессивные действия властей. Эти люди не принимают и самодеятельность населения в управлении. Они противники и политической активности, идущей снизу. По своим политическим установкам представители этой группы должны быть отнесены к выраженным «государственникам». Второй кластер располагается

относительно близко к первому по политическим установкам, но здесь доминируют установки людей, имеющие в целом пессимистические взгляды на какие-либо меры, способные сейчас улучшить положение дел в нашем обществе. Такой социально-политический пессимизм разделяют, правда, лишь около 1/10 провинциального населения. В некотором смысле подобная позиция может свидетельствовать об апатии или успокоенности. И только третий кластер (также 1/10) максимально удален от двух первых: здесь представлены позиции людей, которые связывают позитивные политические изменения в стране одновременно как с радикальными запретительными и репрессивными мерами центральной власти, так и с выразительными формами массовой активности, прежде всего в виде массовых акций населения. Ясно, что это люди, которые еще не определились в своих политических взглядах и установках.

Таким образом, доминирующими установками провинциального населения являются ориентация на сильное централизованное государство. По образу конституционной монархии. Даже с признаками абсолютизма. Отчетливая и постоянная демонстрация населением таких политических установок может выступать залогом поведения «вседозволенности» со стороны власти. Правда, скорее со стороны Президента и его администрации, но не Правительства или Госдумы. Опираясь на «государственнические и монархические» установки провинциального общества, можно проводить в жизнь весьма непопулярные решения. Если они касаются именно этой части населения. Но как раз она-то преобладающая в обществе. При этом фактор роста осознания населением себя в качестве политического субъекта и партнера власти, в данном случае становится менее важным.

3. «... душа покинула государственное тело».

Экспертные оценки качества региональных и местных кадров управления

То, что мы наблюдаем сейчас с качеством кадров управления в России, похоже на ситуацию, которая некогда сложилась в Китае 1930–1940-х годов и которую Линь Юйтан охарактеризовал

выставленным в заголовок эпитетом [1, с. 318], «...потому что между славным прошлым и возможным славным будущим пролегал пропасть, и, чтобы ее преодолеть, нужно сначала спуститься, а потом уж подняться» [1, с. 316]. Эффективность государственного и муниципального управления в стране стала больным местом. Советская система подготовки руководителей среднего и высшего звена, базировавшаяся на сети Высших партийных школ, была достаточно эффективна (см.: [14]), но за 25 лет исчерпала свой ресурс полностью. Старые кадры закончились по естественным причинам. На уровне чиновников среднего звена управления повсеместно произошла «консервация», поскольку «истребления» советских старых кадров не произошло, все и все осталось на местах и только состарилось, утратило потенциал. Значительная часть новых управленческих кадров, особенно на муниципальном уровне, деградировала, не наращивая опыт реального ответственного управления и получив профессиональное обучение весьма низкого качества, а часто вообще никакого.

Кадровый потенциал и верхних эшелонов власти крайне невысок. По экспертным оценкам, из сотни депутатов или чиновников региональных администраций лишь 4–5 человек могут быть толковыми и деловыми людьми, способными к результативному и эффективному управлению. Представители большинства региональных администраций, активно работающие сейчас, вышли в массе своей с уровня инструкторов райкомов комсомола или компартии, в лучшем случае прошли школу хозяйственного управления. Чаще всего это представители двух основных категорий. Первая — чистые «администраторы», занимавшиеся только управлением, но никогда в жизни ничего толком не организовавшие, не попробовавшие себя в реальной хозяйственной деятельности, они лишь катятся по кадровой лестнице и пересаживаются из одного кресла в другое. Их деловой потенциал, конечно, невысок. Но еще ниже их инициатива и предприимчивость, поскольку в основе интересов — статусная позиция. Вторая группа — это люди, имеющие опыт работы на производстве, «на хозяйстве». Здесь с результативным управлением все лучше, но их «гандикапом» является то, что переход в органы региональной власти мно-

гие из них осуществили из «тепличных» условий крупных компаний, где цели управления лежат, как известно, вовсе не в той плоскости, что цели публичного, государственного управления. В результате обычным является психологическая деградация, утрата инициативы, смещение мотиваций и отказ от активной управленческой деятельности. К тому же их нередко «бьют по рукам» за их связи с бизнесом. Из самосохранения их несомненно большая умелость как менеджеров по сравнению с представителями первой группы не актуализируется.

За годы новой жизни произошла, ко всему прочему, своеобразная ротация управленцев. В региональные столицы прибыли люди из провинции, из села и вытеснили прежние кадры. Многие из этих последних покинули родные вотчины. В результате качество управления и качество кадров повсеместно снизилось и по этой, вполне естественной причине: уровень общего образования и специальных навыков у новых людей из провинции, поднявшихся на волне преобразований 1990-х, оказался много ниже, чем у прежней советской региональной элиты. Приток «свежей крови» из сел и деревень, кишлаков и аулов, наслегов и улусов поспособствовал вовсе не тому, что обычно ожидается от всякого подобного «вспрыска», а тому, что регионы повсеместно затормозились в развитии. В значительной степени утрачен потенциал роста, созданный еще в советские годы. Политика «новых людей» всемерно не способствует притоку инвестиций, особенно иностранных. Эти люди ориентированы на «феодалские» формы отношений, соответственно, на замкнутость, отгороженность от внешнего мира. Их управленческое сознание авторитарно. Преодолеть подобные мировоззренческие управленческие установки будет трудно, если вообще возможно.

В то же самое время распространилось землячество, гораздо шире, чем в советские времена, и этот протекционистский фактор тоже способствовал снижению качества кадров управления и продолжает являться значительным тормозом для роста кадрового потенциала управленцев в регионах. Землячество приводит к застою и «негативной фильтрации» толковых и эффективных управленцев. Оно опирается, ко всему прочему, на порочную систему этнических и клановых предпочтений.

Профессиональная переподготовка (ДПО), обучение действующих чиновников имеет свои минусы — переподготовку повсеместно проходят люди в предпенсионном возрасте, по сути, в ней не нуждающиеся и забирающие и без того небольшие учебные резервы у молодежи. Напротив, крайне мало обучают молодежь.

Большинство институтов государственной службы работают по программам, которые, по отзывам, давно не обновлялись. Система обучающих семинаров ДПО хаотична. По сути, нет программы работы на систематической основе с кадрами на местах. Значительная часть местных кадров не имеет ни высшего, ни специального профессионального образования. В определенном смысле такая ситуация устраивает региональную власть или даже выгодна ей, поскольку позволяет осуществлять полный контроль местной власти. В немалом ряде случаев это сопровождается финансовыми нарушениями.

Общеизвестно, что имеющийся потенциал переобучения муниципальных служащих крайне низок — в лучшем случае учеба на краткосрочных курсах, но в 3–4 раза ниже реальной потребности в ДПО. Перспективные методы дистанционного обучения чиновников и муниципальных служащих, крайне востребованные в стране с огромной территорией, еще только в самом начале становления. Все большему числу руководителей становится очевидна необходимость новых подходов и методов подготовки кадров.

Проблема кадрового воспроизводства низовых управленцев в провинции упирается в значительный отток толковой молодежи из районов в столицы и другие крупные города. В то же время именно представители средней возрастной группы являются наиболее перспективными руководителями муниципалитетов. Надо при этом признать, что временами региональная власть озабочена качеством местных кадров управления. Поскольку оно не удовлетворяет, по-видимому, даже минимальным требованиям. Лишь единицы в муниципалитетах удовлетворяют профессиональным аттестационным ожиданиям. Многие руководители вынужденно делают ставку на людей из бизнеса, состоявшихся местных мелких и средних предпринимателей. Но потенциал прихода руководителей муниципалитетов из бизнеса невелик. Нет опыта и зна-

ний — им также требуется обучение. Не те целевые установки. В то же время нет и целенаправленной работы региональной администрации по селекции местных кадров, подготовке будущих управленцев. Необходимость создания заново системы подготовки кадров управления, как и системы оценки их эффективности, стала остро актуальной задачей. Беда в том, что это осознается очень немногими на уровне региональной власти.

На фоне местной муниципальной власти и кадровый резерв высшей власти везде в регионах крайне невелик. Стратегично мыслящих лидеров единицы, если вообще таковые есть. В подавляющем же большинстве региональные руководители разного уровня не способны преодолеть узость регионального взгляда. Перспективных политиков, способных планировать развитие республик, краев и областей хотя бы на 5–7 лет, нет. Даже высшее руководство имеет планы не далее 2–3 лет, да и то в русле идущих извне предписаний. А это — не уровень реального регионального лидера.

4. «Кадры решают все». Как следует готовить кадры для мобилизационного управления?

Современное российское государство в условиях сложившихся внешнеполитических вызовов объективно вынуждаемо изменять качество кадров управления. В дополнение к этому, несмотря на ранее заявленные приоритеты и цели, государство вынуждено все более активно включаться в регулирование и непосредственное управление экономикой, особенно по отдельным отраслям, которые рассматриваются как стратегически важные. Это ставит задачу эффективного кадрового обеспечения и в сфере политического и в сфере отраслевого управления. Такая задача необходимо подразделяется на отдельные задачи по подбору, отбору, подготовке и переподготовке кадров управления, а также по их регулярной «чистке» (аттестации).

Препятствия созданию системы мобуправления. Нынешняя специфика решения задачи подготовки кадров управления заключается, по моему мнению, в следующих трех особенностях, выступающих и основными препятствиями эффективного управления:

(1) разрушена сложившаяся в советские годы целостная и эффективная подготовка партийно-хозяйственных кадров в системе ВПШ. Заменившие ее «АГСы» и полтысячи кафедр государственного и муниципального управления не только не наследуют отдельные элементы этой системы подготовки, но осуществляют обучение, основываясь на принципах менеджмента, неприемлемых в сфере публичного управления. Они начинают учебную работу с контингентом, в массе своей непригодным для будущей профессиональной работы, как по индивидуально-психологическому потенциалу, так и по трудовым мотивациям и нравственным установкам (т.е. в целом работают с «некачественным сырьем», мало пригодным к обработке, поскольку сейчас отсутствуют даже элементы профессионального отбора);

(2) не существует реально работающей системы подготовки, переподготовки и аттестации действующих кадров управления, как таковой, да она все постсоветские годы и не выстраивалась целенаправленно и последовательно; имеются лишь отдельные несвязанные компоненты, нередко выстроенные на несочетаемых (противоречивых) принципах. Повсеместно готовятся кадры управления, но фактически не для государственного управления, в лучшем случае для бизнеса. В результате в государственную власть приходят случайные люди, не имеющие ни мотивации, ни навыков и умений управленца государственного уровня;

(3) деятельность органов власти в настоящее время становится критически зависимой от современных технологий сбора и обработки информации, ее поиска, организации и представления, а способы представления информации органам власти определяются в основном непрофильными специалистами. В результате чиновники оказываются целиком зависимыми от непонятным им технологий сбора, обработки и анализа информации, форм ее представления, а управленческие решения базируются на оценках и представлениях, неадекватных реальности [15]. Органы государственного управления, таким образом, испытывают острый дефицит специалистов, которые были бы способны работать «на стыке» практик управления и методологии сбора, анализа и адекватного представления информации.

Компоненты системы подготовки кадров для мобуправления.

Задача целостной подготовки кадров государственного управления предполагает создание комплекса образовательных компонентов, которые должны функционировать как звенья одной цепи. Предлагаемая нами концепция такой подготовки состоит из пяти взаимосвязанных компонентов (отдельных составляющих) *процесса обучения* и трех независимых *моделей обучения*. Таким образом организованный процесс обучения обеспечивает непрерывный цикл профессиональной подготовки (воспроизводство самой системы социального воспроизводства), а независимость моделей обучения — кадровую надежность функционирования аппарата управления, особенно и по преимуществу — в условиях мобилизационного управления.

Необходимыми составляющими кадровой подготовки в *процессе обучения* должны быть три вертикально (иерархически) организованных компонента собственно образовательного цикла и два сочетанных с ним компонента обеспечения процесса профессиональной подготовки, находящихся в постоянном «зацеплении» с первыми:

(1) Отбор и подбор будущих управленцев, основанный на принципах профессиональной диагностики, включающий также оценку нравственно-мотивационных качеств; это позволит избежать того избытка «кадрового шлама», которое мы имеем сейчас на всех университетских кафедрах ГМУ и во всех филиалах (институтах) РАН-ХиГС. *Отбор* предполагает «просеивание руды» и вылавливание «зерен» будущих управленцев на начальных этапах профподготовки. *Подбор* — это деятельность в процессе подготовки обучающихся и переподготовки действующих кадров с целью отбора лучших (с точки зрения результативности и эффективности управления).

(2) Три вертикально организованных компонента включают два уровня профессионального обучения и третий уровень — профессиональной переподготовки. Это собственно обучение и оно выстроено на принципах подготовки кадров государственного (и местного) управления, а не на иных принципах; это предполагает значительное снижение затрат на подготовку специалиста именно в системе государственного управления. Первым из них должно быть «пред-профессиональное» обучение — обучение в

бакалавриате будущих специалистов нижнего (и, возможно, среднего) звена управления.

(3) Вторым уровнем является подготовка магистерского уровня. Она осуществляется на тех же принципах, что и на первом уровне, но система подготовки (в части учебных программ, учебной, практической, аналитической и научно-исследовательской работы студентов) существенно отличается от бакалаврской (чего сейчас нигде нет), а подготавливаемые специалисты потенциально являются руководителями среднего и высшего звена. Весьма желательно, а может быть и необходимо, чтобы обучающиеся этого уровня имели предшествующую практику управленческой работы (как это обязательно предусматривалось в прежние, в советские годы).

(4) Профессиональная переподготовка (и ДПО) уже некогда обученных и действующих кадров управления, что является в нынешних условиях совершенно обязательным требованием результативной деятельности управленца даже низового уровня. Переподготовка — это своевременный «ремонт и восстановление функций» еще не пришедшего в негодность «управленческого механизма», это значит — во-время поновить и нарезать резьбу «кадрового винтика». Нам представляется (как это ни кажется парадоксальным), что такая переподготовка особенно важна при отборе и назначении кадров управления высшего звена управления.

(5) Второй независимый, но «сочетанный» с обучением компонент подготовки — *аттестация и браковка* кадров управления. Селекция и «чистка кадров» являются совершенно обязательным компонентом кадровой работы: без «чистки» система обязательно «уйдет в разнос». Если стоит задача стратегическая и работа на перспективу, то этот компонент необходим. Если же стоит задача просто попытаться сохранить текущее положение хоть на какое-то время, тогда работу по отсеву «негодного и отработанного материала» можно заменить ее видимостью — формальной аттестацией кадров, которая и осуществляется сейчас повсеместно.

Три взаимодополнительных модели обучения. В концепции кадровой подготовки предусмотрены три *модели обучения* для трех отдельных подсистем управления. Нам представляется, что для целей эффективного государственного управления, особенно в

условиях мобилизационного управления (в кризисных и военных условиях), требующих повышенной надежности, необходимо *дублирование* управленческих модулей и — наряду с этим — эффективный *внутренний контроль и сопровождение управления*. Система управления должна иметь, во-первых, двойную защиту в форме двух относительно независимых подсистем управления, а во-вторых, подсистему «контроля и ремонта» для отслеживания и исправления собственных ошибок. (Именно так организована работа мозга: двойное и тройное дублирование управления, самоконтроль и само-ремонт с помощью независимых подсистем.)

Две первых модели обучения — это (1) модель *рутинной*, знакомой всем, массовой подготовки будущих управленцев, с некоторыми существенными добавлениями, и (2) модель *специальной* подготовки «сверхкомпетентов». Эта последняя управленческая модель специальной подготовки «сверхкомпетентов» была реализована в русской истории многократно — всякий раз в кризисных условиях при угрозе разрушения государства, что требовало безусловного перехода к мобилизационному управлению. Это раннее Московское государство под властью Улуса Джучи начала-конца 14 века [16, 17], это опричнина 1560–1570-х [18], возможно, период реформ и раскола, следовавших после смуты начала 17 века [19, 20, 21], молодая гвардия 1700–1720-х, «тысяча Менжинского» 1920–1930-х [22]. В настоящее время сложились условия, угрозы и риски, безотлагательно требующие дублирующей подсистемы управления, не только страхующей основную, первую модель управления, но при необходимости способную полностью заменить ее. Мы называем подготовленных в рамках такой модели управленцев «сверхкомпетентами» — идеологически и морально безупречными людьми, обладающими природными качествами управленцев, способными решать задачи управления в кризисных и критических (военных) условиях.

Разработка процедур и технологий обучения в модуле рутинной управленческой подготовки не вызывает затруднений, она должна базироваться на имеющихся практиках. Аналогичная работа по разработке модуля обучения и специальной подготовки «сверхкомпетентов» является нетривиальной задачей. Между тем, ее элементы разрабатывались нами в 2000-х годах и апробировались.

Наконец, третья модель создания (подготовки кадров для) подсистемы «контроля и ремонта» управленческой системы основывается на представлении о невозможности результативного и эффективного управления (особенно в мобилизационных условиях) без постоянного текущего («профилактического») и критического («репарационного») *сопровождения деятельности* самой управленческой системы. Это базируется на подготовке кадров управления особого рода и особых качеств — преимущественно не как рутинных управленцев, и не как «кризисных управляющих», а как аналитиков и экспертов. Правильнее сказать, что это не сами управленцы, а советчики-подсказчики, помогающие управленцу принять правильное решение и обеспечить его эффективное исполнение. Такая практика уже имела место в имперский период нашей истории: это «чиновники особых поручений». Это люди — аналитики и ученые, способные перевести язык обыденной и политической реальности на язык управленческих решений и действий. В условиях социальной стабильности и стагнации этот вид управленческой деятельности может быть и избыточным, поэтому часто управление обходится без такого рода специалистов или включает их как формальный, недееспособный элемент (напр., в нынешней России «советники» различного уровня Дум и Советов). В условиях же мобилизационного управления такая управленческая подсистема (модель) представляется совершенно необходимой. Подобного рода аналитики-управленцы (люди участвующие в разработке и принятии решения, но не занимающиеся их непосредственной реализацией) должны быть непубличными, осуществлять свою деятельность в «политической тени».

Представляется, что новая система профессионального обучения кадров государственного управления должна обязательно включать описываемые три уровня подготовки, сопровождаться механизмами отбора/подбора и аттестации/выбраковки, являться двукратно надежной (в дополнение к рутинной подсистеме, необходимо наличие дублирующей, более надежной и более компактной подсистемы мобилизационного управления, а в дополнение к ним обеим — наличие подсистемы контроля и аналитического сопровождения управления).

В условиях мобилизационного управления дублирующую подсистему управления должны иметь и высшие уровни власти. Мне представляется (и в истории, в том числе Российской, мы имеем немало примеров этому, я уже говорил об этом), что лучшей системой управления для российских регионов, была бы система «консулата»: мобилизационное управление предполагает, что ответственность каждого губернатора и министра возложена и на стоящего рядом (или за спиной) комиссара. Тогда мы определенно придем к реализации тех политических проектов, которые занимают умы пока еще немногих исследователей и политиков [23, 24, 25].

Литература

1. *Линь Юйтан*. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Восточная литература, 2010. 335 с.
2. *Плюснин Ю.М.* Жизнь вдали от государства // ЭКО. 1999. № 12; *Плюснин Ю.М.* Власть российская глазами простых людей // Эко. 2001. № 5. С. 36–51.
3. *Плюснин Ю.М.* Малые города России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 147 с.
4. *Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А.* Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.
5. *Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A.* Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015. 306 S.
6. *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999. 288 с.
7. *Кордонский С.Г.* Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010. 312 с.
8. *Плюснин Ю.М.* Власть и управление в глазах провинциального общества // Никитский клуб. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Выпуск 3: Эволюция российской государственности за 10 лет. М., 2002. С. 52–55.
9. club.gaidarfund.ru/articles/2384 и далее страницы 2397, 2409.
10. *Plusnin J.* A new Russia — or the same old Russia? An alternative world-view in the making // Russia's fate through Russian eyes. Voices of the new generation. Westview press, Boulder, Colorado, 2001. P. 9–31.
11. *Black J.L.* Vladimir Putin and the New World Order. Looking East, Looking West? Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, 2004. 367 p.
12. *Плюснин Ю.М.* Скрытая социальная напряженность в российском обществе // Политика. 2013. № 2. С. 6–38.
13. Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

14. *Плюснин Ю.М., Бойко В.И.* Общественный идеал и психологический портрет личности // *Кадры партии*. М., 1989. № 4. С. 137–147.
15. *Кордонский С.Г. и др.* Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // *Мир России*. М., 2011. Т. XX. № 1. С. 3–33.
16. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб: Евразия, 2012. 400 с.
17. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с. [Александр Ярославович. Исторический очерк. С. 35–57].
18. *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 369 с. I. Опричнина и опричники. С. 13–168.
19. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: ЛГУ, 1985. 328 с.
20. *Ульяновский В.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.
21. *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2011. 680 с.
22. *Малапарте Курцио.* Техника государственного переворота. М: Аграф, 1998 [lib.thewalls.ru].
23. *Юрьев Д.* Режим Путина. Постдемократия. М.: Европа, 2005. 264 с.
24. *Проект Россия*. М.: Эксмо, 2009. 384 с.
25. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. 239 с.

Министерство печати и информации Республики Дагестан

КАВКАЗСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛУБ

Информационно-психологическое
противодействие
экстремизму и терроризму
2016

Пушкино

Центр стратегической конъюнктуры

2016

УДК 316.6:323
ББК 60.54:66.4
И74

*Издано при поддержке
Министерства печати и информации Республики Дагестан*

И74 Информационно-психологическое противодействие экстремизму и терроризму. 2016 / Сост. А.В. Воробьев, Я.А. Амелина / Министерство печати и информации Республики Дагестан, Кавказский геополитический клуб — Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. — 372 с.

ISBN 978–5–9906914–7–6

Сборник научных статей подготовлен по итогам работы Всероссийской конференции «ИГИЛ. Информационно-психологическое противодействие терроризму на Северном Кавказе» [conjunction.ru/at-e-dag-ru-12-13_11-2015], прошедшей 12–13 ноября 2015 года в Махачкале; и научной конференции, состоявшейся в Институте востоковедения РАН: «Влияние обострения противоречий между Западом и Россией на расстановку сил в Азии и Африке» (Москва, 30.11.2015) [conjunction.ru/conference-30-11-2015]. Конференции были организованы ИВ РАН, Министерством печати и информации Республики Дагестан и Центром стратегической конъюнктуры.

В книге рассматриваются актуальные вопросы исламского терроризма и феномен квазигосударства ИГИЛ / ИГ / ДАИШ. Анализируя войну Сирии с джихадистским интернационалом, эксперты предлагают комплексное решение проблемы экспансии терроризма в современном мире.

Особое внимание уделено психологическому противодействию экстремизму: «перелечиванию» максималистов и пассионариев и возвращению их к нормальной жизни. В этом предлагается опереться на опыт 1920-х годов Советской России по реабилитации большевиков. В приложении приводится отрывок из книги А.Б. Залкинда «**Очерки культуры революционного времени**», опубликованной в 1924 году, раскрывающей особенности «программы» русских большевиков по психологической реабилитации членов партии, подорвавших свое здоровье и стрессоустойчивость за долгие годы революционной борьбы (вначале находившихся на нелегальном положении, затем на фронтах гражданской войны).

© Коллектив авторов, 2016

ISBN 978–5–9906914–7–6

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2016

Научное издание

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 500 экз. Заказ № 090.

Оригинал-макет и обложка подготовлены А.В. Воробьевым. 7720376@mail.ru

Центр стратегической конъюнктуры. centerconjunction@gmail.com
141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6. +7(906) 075–00–22

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Хазанов А.М.</i> Сирийская трагедия: в какие игры играют тигры?.....	8
<i>Frank Salter.</i> The Immigrant Influx into Germany and Europe: Blessing or Catastrophe?	26
<i>Панкратенко И.Н.</i> ИГ на пути к полноценному государству	36
<i>Панкратенко И.Н.</i> «ИГ»: перспективные направления экспансии...49	
<i>Арешев А.Г.</i> «ИГ» как интегральная часть криминальной глобализации.....	59
<i>Арешев А.Г.</i> Турецкий «неосманизм» и ближневосточные перспективы Кавказа.....	78
<i>Валецкий О.В.</i> Сирия и осень: солдат удачи расставляет все по местам	84
<i>Мартынюк В.И.</i> Недостатки в подготовке спецназа полиции	93
<i>Нечунаев В.В.</i> Как попадают в секты	108
<i>Тукаев Р.Д.</i> Феномен суицида: системный анализ и прикладные аспекты.....	120
<i>Забелло Я.Ю., Собянин А.Д.</i> Молодежные протестные движения ..	140
<i>Амелина Я.А.</i> Российские «игилловцы»: идеологический вакуум	180
<i>Воробьев А.В.</i> Заболевания культурной революции. Психограмма максималиста. Методы лечения пассионариев от динамизма, социоцентризма и революционного моноидеизма ...	186
<i>Воробьев А.В.</i> Мечтающих о Средневековье джихадистов придется «перековывать» древневосточными легистскими политтехнологиями	192
<i>Воробьев А.В.</i> Турция принуждает Россию вспомнить о своей исконной, ясной и достижимой национальной идее: «Царьград — должен быть русским»	198

<i>Гаврилов Д.А.</i> Интеллектуальные инструменты профилактики роста агрессии молодежи.....	203
<i>Плюснин Ю.М.</i> Кадры для мобилизационного управления	209
<i>Хаджимурат Гацалов.</i> США как фактор дестабилизации мировой геополитической системы.....	229
<i>Панкратенко И.Н.</i> О некоторых проблемах информационно-аналитического сопровождения событий на Ближнем и Среднем Востоке.....	238
<i>Арзуманян Р.В., Гриняев С.Н.</i> Центры власти в XXI веке: соотношение политического и религиозного. К вопросу новой парадигмы глобализации.....	245
<i>Амелина Я.А.</i> «Исламское государство»: не так страшен черт	252
<i>Хаджимурат Гацалов.</i> Вернуться к истокам, чтобы увидеть истину ...	265
<i>Курбанов Х.Т.</i> Умеренный салафизм: реальность и мифы.....	277
<i>Амелина Я.А.</i> Мусульмане Северной Осетии: патриотический российский вектор.....	284
<i>Амелина Я.А.</i> Безыдейный тупик: в поисках выхода.....	309
<i>Чернов М.И.</i> Транспортные коридоры Кавказа	311
<i>Шушкевич Ю.А.</i> Становление новой аграрной экономики как залог стабильности и развития на Северном Кавказе	316
 ПРИЛОЖЕНИЕ. О психофизиологии РКП	
<i>Залкинд А.Б.</i> Очерки культуры революционного времени. М.: Работник просвещения, 1924. Отдел II. С. 97–128.	330